

Линь Цзиньчжи почувствовал, как у него перехватило дыхание, а в горле встал ком. Глядя на представшую перед ним картину, он едва мог дышать.

Он думал, что Чу Янь хочет...

Но он и представить не мог, что всё обернётся именно так.

Губы Чу Яня, мертвенно-бледные, тронула самоироничная улыбка:

— Видишь? Я снова принуждаю тебя, снова заставляю заниматься этим... Как ты можешь не ненавидеть меня?

Дыхание Линь Цзиньчжи сбилось — отчасти от нахлынувшего удовольствия.

— Цзиньчжи... — с губ Чу Яня сорвался нежный шёпот, подобный признанию влюблённого.

Линь Цзиньчжи впервые в жизни подумал, что его собственное имя звучит так красиво.

— Тебе неприятно?

Чу Янь горько усмехнулся и протянул руку, на запястье которой тихо звякнула цепь. Линь Цзиньчжи заметил, что пальцы, коснувшиеся его щеки, были ледяными, словно у мертвеца. Однако его тело в этот момент так тепло и нежно обволакивало того, кто был перед ним.

— Зачем ты это делаешь?

— Я ненавижу себя за то, что не могу причинить тебе вред, за то, что до сих пор... — люблю тебя.

Губы Чу Яня, лишённые всякого цвета, не выдержали, и он выплюнул сгусток крови. Ярко-алая, обжигающе горячая, она брызнула прямо на грудь Линь Цзиньчжи.

Зрачки Линь Цзиньчжи сузились, он потянулся к нему, но тело Чу Яня качнулось, и он безвольно рухнул в объятия Линь Цзиньчжи. Словно воздушный змей с оборванной нитью, он затих, а его иссиня-чёрные волосы рассыпались по груди Линь Цзиньчжи.

Чу Янь плотно закрыл глаза.

Линь Цзиньчжи широко раскрыл глаза, его сердце неистово забилось:

— Очнись...

Вид Чу Яня словно безмолвно взывал к нему:

Разве ты не хотел отомстить мне?

Ну же.

Любую твою месть я приму.

[Уровень раскаяния Линь Цзиньчжи: три звезды.]

[Еле выдавил из себя эту кровь, думаешь, это легко?! В следующий раз можно мне какой-нибудь набор услуг по кровохарканью?]

[Такой функции нет, хозяин, полагайтесь на своё актёрское мастерство... К тому же, вы как раз удачно выплюнули кровь прямо перед Линь Цзиньчжи.]

Чу Янь усмехнулся:

[А что такого? Эта сцена точно заставит Линь Цзиньчжи страдать, раскаиваться и никогда не забывать этот момент. Он будет помнить это всю жизнь, не сможет отпустить и будет вечно тосковать.]

[!!] До какой же степени этот человек готов просчитывать всё вокруг!

[Ты сейчас мысленно ворчишь, что я слишком расчётлив?]

Система вздрогнула:

[Ни в коем случае!]

[В этой сцене главное — чтобы кровь выглядела трагично и красиво, особенно нужно передать это жалкое, вызывающее жалость выражение.]

Системе хотелось спросить, что значит трагично и красиво?

[Хозяин, может, будем проще? Дзен, так сказать?]

[Что за дзен?]

[Ну, плыть по течению, не выпендриваться.]

Чу Янь промолчал.

Глава 8

Чу Янь тяжело заболел и отказывался принимать помощь врачей. Все они в один голос

твердили Линь Цзиньчжи, что Чу Янь сам утратил волю к жизни.

Линь Цзиньчжи дрожащими руками схватил лекаря Е за воротник:

— Что значит утратил волю к жизни?

Лекарь, набравшись храбрости, ответил:

— Это значит, что он больше не хочет жить.

Дыхание Линь Цзиньчжи стало тяжёлым:

— Спасите его! Если Его Величество будет жить, будете жить и вы, поняли?

Лекари, побледнев, склонили головы и окружили постель Чу Яня, приступая к лечению. Линь Цзиньчжи стоял в стороне. Окно было широко распахнуто, и отсюда открывался вид на грушевое дерево во дворе. Оно было таким белым, словно выпал снег.

Линь Цзиньчжи замер. Как такой человек, как Чу Янь, мог позволить себе умереть? Он терпел унижения от Ван Лина, с улыбкой ел объедки — его жажда жизни всегда была так сильна. Даже когда его заточили и по приказу Хань Чжэна отдали на потеху евнухам, он не сдался. Почему же сейчас он хочет умереть?

При этой мысли сердце пронзила острая боль. Он был слишком умён и в одно мгновение вспомнил о Гао Хуа. Хань Чжэн расправился с Гао Хуа! Вот почему Чу Янь стал таким!

Линь Цзиньчжи широко раскрыл глаза, цепляясь за эту мысль, как за последнюю надежду.

Он отправился к Гао Хуа. Его состояние наконец стабилизировалось, но из-за глубоких ран он был прикован к постели. Однако взгляд, которым Гао Хуа встретил Линь Цзиньчжи, изменился. Если раньше он умолял простить Его Величество, то теперь в его глазах читалось лишь отвращение. Гао Хуа, будучи главным евнухом, был добр ко всем, и многие новости доходили до него через младших слуг. Он уже знал, что произошло.

— Когда поправишься, я отведу тебя к Его Величеству.

Голос Гао Хуа дрожал от волнения:

— Господин, прошу вас, больше не появляйтесь перед Его Величеством.

Линь Цзиньчжи нахмурился:

— Дерзость.

Этот евнух всегда мешал ему, когда он не хотел быть с Чу Янем. А теперь, когда он сам потянулся к нему, Гао Хуа снова вставляет палки в колёса. Вечно идёт наперекор!

Но Гао Хуа продолжал:

— Разве вы не задумывались, почему такой человек, как Его Величество, вдруг перестал хотеть жить?

Линь Цзиньчжи опешил:

— ...Почему?

Гао Хуа, едва сдерживая слёзы, выкрикнул:

— Всё из-за вас!

Каждое слово было словно игла, вонзающаяся в сердце. Если бы Гао Хуа просто обругал его, было бы легче. Но он напомнил ему, как сильно Чу Янь любил его, как заботился и видел в нём единственный свет во тьме. Линь Цзиньчжи почувствовал, будто потерял что-то бесконечно важное, и долго не мог прийти в себя от этой боли.

— Отдыхай...

Линь Цзиньчжи вышел, чувствуя себя опустошённым. Снаружи лил проливной дождь, вытесняя остатки тепла. В комнатах было невыносимо холодно, даже просто находиться там было зябко. Неужели ни один слуга не принёс угля?

Линь Цзиньчжи вспыхнул от гнева:

— Это же сам государь! Как вы смеее так с ним обращаться?

Евнухи в страхе повалились на колени:

— Господин, пощадите! Мы сейчас же принесём угля!

Линь Цзиньчжи сжал кулаки до побеления костяшек. Он вошёл в опочивальню, поднял хрупкое тело Чу Яня и прижал к себе, пытаясь согреть своим теплом. Чу Янь спал, его лицо было мертвенно-бледным. Глаза Линь Цзиньчжи наполнились слезами, он испытывал глубочайшее раскаяние.

— Ваше Величество, не спите.

Он знал, что в прошлом Его Величеству, должно быть, приходилось ещё тяжелее. Быть может, лютыми зимами у него не было даже кусочка угля? Быть может, он дрожал от холода в каком-

нибудь тёмном углу? Линь Цзиньчжи не знал наверняка, но тело Чу Яня было таким ледяным, что он никак не мог его согреть.

Линь Цзиньчжи стало по-настоящему страшно, что Чу Янь умрёт. Ведь он ещё не выведал у Хань Чжэна, где ключ от кандалов.

Когда слуги принесли уголь, Линь Цзиньчжи холодно бросил им:

— О том, что произошло сегодня, молчать. Иначе никто из вас не выйдет отсюда живым.

Слуги, дрожа, поклонились:

— Слушаемся.

В комнате стало тепло, и Линь Цзиньчжи отстранился. Ему нужно было уйти, он не мог оставаться здесь вечно. Вчера он спас Маркиза Линя, но тот был в помрачении рассудка и говорил только с Янь Фэном. Никто, кроме них двоих, не мог к нему подойти — иначе старик начинал кричать и буйствовать.

Вернувшись в поместье, Линь Цзиньчжи увидел, что его отец снова в припадке.

— Почему вы за ним не следите? — с болью спросил он.

Янь Фэн ответил, не глядя на него:

— Я слуга Его Величества, а не этого старого негодяя.

Услышав, как он называет его отца, Линь Цзиньчжи помрачнел:

— Следи за языком.

Янь Фэн хмыкнул, но в последнее время, слушая рассказы лекаря Е о страданиях государя, он чувствовал себя не в своей тарелке. Ведь это был его господин! Его Величество! Как же больно ему было терпеть такие унижения.

Линь Цзиньчжи подошёл к отцу и осторожно написал у него на ладони: Отец, я вернулся.

Маркиз Линь немного успокоился:

— Цзиньчжи? Это правда ты?

— Я.

Отец улыбнулся, но вдруг в его глазах мелькнул ужас, и он оттолкнул сына:

— Ты не мой сын! Его Величество запер меня, он никогда не выпустит меня отсюда! Цзиньчжи не может прийти ко мне! Какую ловушку ты снова задумал?

Линь Цзиньчжи чувствовал, как боль, словно колючие лианы, обвивает его сердце.

— Отец...

Маркиз Линь был глух и ничего не слышал. Он вдруг упал на колени перед Линь Цзиньчжи, заливаясь слезами:

— Ваше Величество, это ведь вы? Я виноват, я не должен был учить Цзиньчжи специально сближаться с вами!

Эти слова поразили Линь Цзиньчжи, как удар молнии:

— Что значит — сближаться со мной?

Янь Фэн, наблюдая за ним, насмешливо хмыкнул:

— Притворство, тошно смотреть!

Линь Цзиньчжи повернулся к нему:

— Что всё это значит? Что вы от меня скрывали?

Янь Фэн решил, что Линь Цзиньчжи просто играет роль, ведь тот всегда был подлым и коварным. Не дождавшись ответа, Линь Цзиньчжи вспомнил о Чу Яне, оставшемся во дворце. Казалось, все вокруг знали некую тайну... кроме него.

— Почему Его Величество называет меня лжецом?

— А разве ты не лжец? — мрачно отозвался Янь Фэн.

Наконец, не выдержав, он выпалил:

— Маркиз Линь сам признавался, что хотел сделать вас самым важным человеком для Его Величества! Он хотел ввергнуть государя в отчаяние, чтобы вы стали для него единственным утешением! Тогда Его Величество не посмел бы тронуть ни вас, ни клан Линь!

Лицо Линь Цзиньчжи стало белее полотна.

Янь Фэн продолжал:

— И то, что Его Величество отдали Ван Лину — тоже дело рук Маркиза Линя! Он прекрасно знал, что Ван Лин погряз в пороках и жесток, но всё равно отправил к нему семилетнего ребёнка!

Дальше можно было не продолжать. Линь Цзиньчжи всё понял. Его отец намеренно подстроил так, чтобы Его Величество попал к Ван Лину, а он, будучи его компаньоном по учёбе, постоянно был рядом. И отец не раз говорил ему, что седьмой принц так жалок, что его стоит навещать.

Линь Цзиньчжи издал стон, подобный рёву раненого зверя. Его отец... как он мог?!

Теперь он понял, почему Чу Янь называл его лжецом. Он ведь любил его. Любил так сильно, что даже после всего пережитого не мог забыть.

Он вспомнил слова Чу Яня:

— Те евнухи могли прикасаться ко мне, почему же я не могу?

— Они могли, а ты нет.

В горле Линь Цзиньчжи появился привкус крови. Он глухо закашлялся, и на уголке губ проступила алая капля.

Они могли, а он нет. Это было не из ненависти. Это было потому, что Чу Янь считал себя слишком грязным и не хотел, чтобы Линь Цзиньчжи прикасался к нему.

Линь Цзиньчжи горько усмехнулся. Если бы на его месте был он, что бы он сделал? Вероятно, возненавидел бы того человека так сильно, что захотел бы вырвать ему кости и выпить кровь.

Слово лжец — это ещё слишком мягко. Его Величество должен был жестоко отомстить ему. Всё, что он ни сделал бы — было бы заслуженно.

— Я пришёл, чтобы забрать лекаря Е во дворец, — хрипло произнёс Линь Цзиньчжи, глядя на Янь Фэна с невыразимой болью, и тут же вышел.

Всю дорогу он предупреждал лекаря:

— Увидишь Его Величество — ни слова лишнего.

— Слушаюсь.

Когда Линь Цзиньчжи толкнул дверь, он увидел в тусклом свете лампы одинокую фигуру. Чу Янь стоял, кутаясь в тонкие одежды. Его силуэт казался таким хрупким, что, казалось,

прикоснись к нему — и он рассыплется. Свет падал на его лицо, делая его неземным.

Линь Цзиньчжи с жадностью смотрел на него, боясь, что тот больше не откроет глаз.

— Ваше Величество, я привёл лекаря Е.

Чу Янь посмотрел на лекаря безразличным взглядом. Никакой реакции. Это напугало Линь Цзиньчжи ещё больше.

Наконец он услышал тихий голос:

— Какую игру ты затеял на этот раз?

Линь Цзиньчжи замер. Чу Янь был настолько изранен, что больше не верил ему. Любое проявление тепла вызывало подозрение — он боялся поверить, чтобы не причинить себе ещё большей боли.

Линь Цзиньчжи опустил голову и изо всех сил стараясь звучать равнодушно, сказал:

— Конечно, если ты умрёшь, возникнет много проблем. Весь двор пошатнётся. Кто ещё будет заботиться о твоей жизни?

Чу Янь немного расслабился. Казалось, только в этой боли он чувствовал себя в безопасности. Он боялся, что если поверит, то снова проявит слабость к Линь Цзиньчжи.

— Гао Хуа жив. Но если ты не позволишь лекарю осмотреть себя, я не ручаюсь, что он выживет.

— Гао Хуа... жив?

В глазах Чу Яня вспыхнул огонёк. Он наконец усмехнулся и протянул лекарю запястье:

— Лечи.

Лекарь Е опустил голову, приложив пальцы к пульсу. В наступившей тишине Чу Янь опустил глаза, в которых скрывался холодный расчёт. С принцем покончено, а теперь настала пора расправиться с остальными.

Линь Цзиньчжи заметил, что в последнее время Чу Янь стал гораздо послушнее. Он больше не был таким яростным, как прежде, а смотрел на него с той же робкой осторожностью, что и в детстве.

Сердце Линь Цзиньчжи обливалось кровью. Зная правду, он предпочёл бы, чтобы Чу Янь оставался прежним, а не смотрел на него так. Должно быть, в самые тяжёлые времена он был именно таким — тихим и осторожным.

Линь Цзиньчжи хотелось лишь одного — быть добрым к нему.

— Открой рот, давай покормлю.

Чу Янь заколебался, в его глазах мелькнула настороженность, но в конце концов он послушно открыл рот. Линь Цзиньчжи, видя, как он ест, почувствовал, как внутри всё смягчается.

— Ещё ложечку.

Так, кормя его с рук, они провели время в неожиданно уютной атмосфере.

— Ваше Величество, та ненависть Хань Чжэна... она ведь из-за его названного брата? Вы помните, что тогда произошло?

Чу Янь, только что бравший еду, вдруг побледнел. Его тело задрожало — казалось, одна лишь мысль об этом вызвала у него ужас. Линь Цзиньчжи в испуге отложил миску, желая успокоить его, но в суматохе случайно задел её, и она упала на пол. Каша разлилась.

Чу Янь, словно обезумев, уставился на пятно на полу, его дыхание сбилось. И он совершил то, чего Линь Цзиньчжи никак не мог ожидать.

Чу Янь опустился на колени и стал собирать кашу руками, пытаясь её съесть.

Линь Цзиньчжи, боясь, что он обожжётся, поспешно оттолкнул его руки. В глазах Чу Яня была пустота, он дрожал:

— Старший брат, я не нарочно пролил кашу...

— Ваше Величество?

— Нельзя хватать руками, надо... надо ртом.

Он пополз к разлитой каше. Зрачки Линь Цзиньчжи сузились, он подхватил Чу Яня на руки:

— Всё хорошо, ничего страшного, успокойся.

Линь Цзиньчжи чувствовал, как дрожит Чу Янь в его объятиях. Ему было невыносимо больно. Он боялся, но при этом старался улыбаться. В этот момент Линь Цзиньчжи возненавидел Ван Лина всей душой. Чу Янь делал это так привычно — значит, это было его повседневностью в детстве. Ван Лин не считал его человеком, он относился к нему как к собаке. Когда был в духе — кидал кость, когда нет — избивал.

Линь Цзиньчжи задыхался от боли, ему хотелось убить Ван Лина. Но внутренний голос постоянно напоминал: он сделал то же самое. Ван Лин калечил тело Чу Яня, а он — его душу.

Чу Янь был изранен и лишён сил. Словно человек, идущий голым по снегу — одинокий, беспомощный и потерянный.

— Ваше Величество, будьте послушным. Я верну вам всё, что у вас отняли, а потом приду искупать свою вину.

[Уровень раскаяния Линь Цзиньчжи: четыре звезды.]

[Наконец-то почти готово, но нужно пока притормозить.]

[???

[Я ещё не приручил соперника Хань Чжэна, как я могу уйти?]

[Хозяин, вы меня напугали, почему вы так внезапно изменились?]

[Хе-хе, импровизация! Если бы Линь Цзиньчжи не подыграл, мне пришлось бы есть с пола!]

[Хозяин, вы правда собирались есть?!]

[За кого ты меня принимаешь? У меня есть дух преданности искусству!]

[.....] Дзен, дзен и ещё раз дзен.

Пусть играет, как хочет, а я буду невозмутим.

Мастер актёрской игры.

<http://bllate.org/book/22166/2309058>